

УДК 94(571.1)

ББК 63.3(253.3)61-284.3

M. V. Vasekha

Вовлечение женщин в процесс строительства советского общества в 1920-е гг. (по материалам юга Западной Сибири)*

M.V. Vasekha

Integration of Women in Building Soviet Society in the 1920s (Evidence from the Southern Part of Western Siberia)

Исследуется влияние государственной политики на изменения гендерных отношений в сибирской крестьянской семье в 1920-е гг. Целенаправленная политика государства в отношении семьи и «положения женщины», создание специальных органов — женотделов, пропаганда в СМИ и «на местах» — ключевые факторы «быстрых» модернизационных процессов во всех аспектах внутрисемейных отношений российского/советского общества. В советском обществе эта проблематика получила название «вопросы женщин» и освещались как в специальных печатных органах («Коммунистка», позднее «Работница», «Крестьянка», «Красная сибирячка», «Женский журнал» и др.). Среди прочих проблем на пути решения «женского вопроса» сообщалось о мужчинах-руководителях, партийцах, которые с известной долей иронии воспринимали работу женотделов.

Анализируется изменение роли и функций крестьянки-сибирячки на юге Западной Сибири в первое десятилетие советской власти.

Ключевые слова: русская крестьянская семья в Сибири, женский вопрос, раскрепощение женщин, советская демографическая политика в 1920-е гг., борьба за новый быт.

DOI 10.14258/izvasu(2013)4.2-07

В ходе государственного строительства в СССР уже в 1920-х гг. выявилась острая потребность в увеличении рабочих ресурсов. В связи с этим правительство обратило внимание на целесообразность вовлечения женщин в ряды строителей социалистического общества. Советским правительством была разработана концепция решения «женского вопроса»: обеспечение юридического равенства с мужчинами, привлечения женщин к производительному общественному труду, участие в управлении обществом и государством, политическое и культурное просвещение, коммунистическое воспитание и «раскрепощение» женщин в семье, а также создание сети учреждений, охраняющих женщин и их труд. Первые годы советской власти характеризовались появлением книг, брошюр, статей, написанных женщинами, стоявшими у истоков организации женского движения в РСФСР, позже в СССР. При ЦК РКП (б) были созданы женотделы, заведующими которых с 1925 г.

The author reveals the impact of public policy on changing gender relations in a Siberian peasant family in the 1920s. Deliberate policy of the state in regard to the family and the «status of women», the establishment of special bodies – Women's departments, the propaganda in the media and in the «field» were the key factors of “fast” modernization processes in all spheres of family relations of the Russian / Soviet society. In Soviet society such problems were referred to as “women's issues” and reproduced in special print media, such as “Komunistka” (“Communist girl”), and later “Rabotnitsa” (“Working woman”) and “Krestyanka” (“Peasant woman”), “Krasnaya Sibiryachka” (“Red Siberian woman”), “Zhensky Zhurnal” (“Women's Magazine”), etc. It is interesting that among other problems on the way of solving “the women's issues” there were male leaders, members of the Communist party, who were reported to perceived the activity of “women's departments” with a certain degree of irony.

This work examines the changing role and responsibilities of a Siberian peasant woman in the south of Western Siberia in the first decade of the Soviet government.

Key words: Russian peasant family in Siberia, women's issues, women's liberation, the Soviet population policy in the 1920s, the struggle for “a new life”.

ВКП (б) были поочередно: И. Ф. Арманд (1919–1920 гг.), А. М. Коллонтай (1920–1921 гг.), С. Н. Смилович (1922–1924 гг.), К. И. Николаева (1924–1925 гг.), А. В. Артюхина (1925–1930 гг.). Одновременно партийный актив создавал соответствующие организации на местах.

В задачи женотделов входила пропагандистская работа среди женщин, у истоков этой идеологической работы стояли А. М. Коллонтай и И. Ф. Арманд. Одной из важнейших задач было налаживание вертикальной связи женотдела с подразделениями «на местах». В Сибири организованная работа среди работниц и крестьянок началась практически сразу после ликвидации колчаковщины [1, с. 18]. 23 января 1920 г. в Омске прошло первое в Сибири организованное собрание женщин. Тогда же были проведены выборы для участия в собрании первых делегаток [2].

Для пропаганды новой советской идеологии в регионах велась активная работа: создавались женские клу-

* Статья написана при поддержке РГНФ, грант № 12-01-00229.

бы, передвижные агитационные пункты, называвшиеся «красными палатками», проводились недели агитационной работы, «недели ребенка» [3, с. 25–28] и т. д. Круг проблем, связанных с положением женщины в советском обществе, получил название «Вопросы женщин». Они освещались как в специальных печатных органах (например, «Коммунистка», позднее «Работница» и «Крестьянка», «Красная сибирячка», «Женский журнал» и др.), так и прочих популярных центральных и местных средствах массовой информации.

Женский вопрос на страницах газет и журналов появлялся как в форме пропаганды и разъяснения политики партии, которая была представлена в виде проблемных аналитических статей (они чаще всего писались партийными идеологами) [4, с. 20–21], так и в жанре художественных рассказов, фельетонов, зарисовок из жизни (т. е. наиболее доступными для народных масс изобразительными средствами) [5, с. 80–93; 6, с. 89–93; 7, с. 3–6; 8, с. 1–2; 9, с. 4–5]. Эти материалы характеризовали положение женщин в обществе с патриархальными пережитками как тяжелое, отражали тенденцию нежелания женского населения повиноваться старым порядкам, и прежде всего — мужьям, братьям и отцам, рассказывали о женщинах-активистках и их достижениях. Всячески обличались «буржуазные», имущественные основы старого брака, воспевался брак «по любви», основанный исключительно на взаимных симпатиях (см., например, все выпуски журнала «Коммунистка» 1920-х гг.).

Помимо пропаганды в СМИ, через организованные «на местах» женотделы проводилась государственная политика внедрения «нового быта», идей Н. Крупской, А. Коллонтай в области семейных отношений. В материалах партийных дискуссий 1920-х гг. вырисовываются такие черты нового быта, как «ясли, детские дома, пионерство, дома-коммуны, жилищная кооперация, трудовые школы, клубы, спорт, избы-читальни, коллективное хозяйство в деревне, делегатские собрания работниц и крестьянок» [10, с. 188].

Н. К. Крупская сформулировала «задачу создания новой семьи коммуниста как своего рода коммунистической ячейки, как своего рода маленького товарищеского трудового коллектива, где члены семьи помогают друг другу и помогают Коммунистической партии добиваться ее целей» [10, с. 190]. Как одно из важнейших направлений партийной работы рассматривалось освобождение женщины от многих семейных «обязанностей и пут». В 1920-х гг. «освобождение» женщин с точки зрения компартии и ее лидеров означало следующее: «женщина должна иметь определенные знания о социализме, быть осведомленной о своих правах, должна поддерживать политический режим, работать в общественном производстве и по возможности вступить в партию» [11, с. 33]. Этому должны были способствовать развитие коллективных форм жизни, изменение внутрисемейных взаимоотношений и воспитания, разрушение старой семьи [10, с. 300]. Партийные комитеты утверж-

дали данные направления работы на своих партийных съездах, региональные организации РКП разрабатывали планы кружковых занятий. Пропагандистская деятельность среди женщин определялась как особо важная. Перед делегатами собраний ставились задачи: объединять вокруг партии отсталые слои женского населения и вовлечь их в сферу социальных производственных, профессиональных и партийных отношений, приобщая к общественной деятельности и вовлекая в ряды партии.

По мнению агитаторов-активистов, большим препятствием в деле развития самосознания женщин являлась их безграмотность. По сведениям журнала «Профессиональное движение», грамотные мужчины в городах Западной Сибири составляли 61,2%, а в сельской местности — 26,7%, грамотные женщины — соответственно 46,9 и 9,2% [12, с. 35–37; 13]. Советское правительство с первых лет начало вести борьбу с неграмотностью населения, создавая в городах и селах пункты ликвидации безграмотности, используя женские клубы, организуя сельхозкурсы, курсы для коммунарок и воскресные школы. В 1924 г. в Сибири действовало 630 новых, ранее не существовавших учреждений по обучению населения — «ликпунктов» (пунктов ликвидации безграмотности) [14, л. 96]. Первостепенной задачей являлось обучение письму и чтению, что позволяло развернуть более активное перевоспитание масс. Особый упор предлагалось делать на журналы «Крестьянка», «Красная сибирячка» и другие массовые издания [14, л. 96].

Однако основным препятствием для ликвидации неграмотности называлась загруженность сибирячек домашними делами и хозяйственными работами. «Пониженное» положение женщин в семье, сопротивление мужчин, не позволявших женам ходить на занятия и на собрания. К тому же нередко родители были против желания дочерей обучаться в школе. Из-за этого немало пожилых женщин 1910–1915-х гг. рождения остались безграмотными на всю жизнь, за что впоследствии обижались и испытывали чувство неполноценности. Например, мать Татьяна Ивановна Шадринной (Толмачевой) не пустила ее учиться из-за того, что осталась солдаткой с пятью детьми, а Татьяне нужно было помогать в домашней работе (д. Шубинка Шубинской волости Бийского уезда Томской губернии). Татьяна Ивановна вспоминала про свои слезы за прялкой, когда братья уходили в школу, а ей приходилось оставаться дома.

На страницах журнала «Красная сибирячка» периодически сообщалось о мужчинах-руководителях, партиях, которые с известной долей иронии воспринимали работу женотделов, разного рода собраний делегаток. По рассказам женщин-активисток, опубликованным в «Красной сибирячке», мужчинам приходилось «терпеть эти мероприятия по раскрепощению женщин», так как XI съезд коммунистической партии обозначил ее как особо важную. Именно мужчины работу женотделов зачастую презрительно называли «бабьим делом», сами женотделы — «крайбабами», «центробабами»,

«бабками» (примеры в журналах «Красная сибирячка», «Сибирская деревня») [15, с. 94–96].

Даже представители местных властей и интеллигенции в 1920-х гг., особенно на первых порах, «не осознавали» важности «женского направления» в работе партии, не понимали, каким образом работа с женщинами может повлиять на изменения образа жизни всего общества. В докладных записках Секретариата Сибкрайкома ВКП (б) по вопросам охраны материнства и младенчества говорится, что одной из слабых сторон развития этого направления является «текучесть» состава окружающих женщин-руководителей. Это явление нашло отражение в ряде рассказов того времени, например в рассказе «Бабья революция» [6, с. 18]. Одной из причин «текучести» называлась необходимость реализации естественной роли женщины как продолжательницы рода. Но были и другие причины: «Как только выдвиженка на посту Охрматмлада (охраны материнства и младенчества. — М. В.) получает достаточный опыт работы, ее перебрасывают на другое, «более серьезное направление». К тому же большинство «выдвиженок» на ответственные посты в решении женских вопросов были в основном учительницами, а не выходцами из среды работниц и крестьянок, как того требовали власти [16, л. 25]. Найти «выдвиженку» из крестьянок было нелегко, так как большинство женщин были неграмотными вообще, а тем более в политическом отношении, не понимали, как они могут помочь делу построения социализма, не отвлекаясь от своих привычных женских забот по домашнему хозяйству. В агитационных частушках пели:

Нынче и крестьянки в силе.

«Титы»¹ негодуют:

Раньше бабы голосили,

Ныне — голосуют! [17, с. 4].

Для подготовки кадров женщин-руководительниц в 1920–1930-х гг. Комитетом по улучшению труда и быта крестьянок и работниц при Президиуме ВЦИК была развернута программа подготовки курсов для колхозниц при рабфаках, в вузах, втузах. Курсы были рассчитаны на подготовку крестьянок-активисток, умеющих бегло читать и писать, особо отмечалось, что при зачислении необходимо отдавать предпочтение батрачкам и беднячкам [18, л. 9]. В 1929 г. была начата кампания по изобличению и выдворению «кулачек и подкулачниц»² из состава собраний делегатов и женсоветов, которая, согласно периодическим информационным заметкам в журнале «Красная сибирячка», происходила повсеместно с большим воодушевлением. Также отмечалось, что батрачек и беднячек все еще очень мало на женских собраниях. В качестве главной причины «плохой втянутости» в образовательный процесс батрачек и беднячек признавался большой объем домашней работы [1, с. 1–21].

¹ Здесь: кулаки, мироеды.

² Подкулачница – жена подкулачника. Подкулачник — в условиях классового расслоения деревни человек, действовавший в интересах кулака.

Активисты женоделов из среды образованных женщин (учительниц) пытались всячески пропагандировать разностороннее образование женщин и участие их в активной общественной деятельности. Положение женщины-домохозяйки, экономически зависимой от мужчины, представлялось общественным мнением тех лет как тяжелое, сходное с положением домашней рабыни. Было даже математически подсчитано, насколько больше угнетена крестьянка в сравнении со своим мужем. Так, крестьянка затрачивала на домашний труд 2279 часов в год, крестьянин же всего 622 часа, т. е. почти в четыре раза меньше. Вся тяжесть ведения домашнего хозяйства в основном ложилась на плечи женщины. При этом домашний труд стоял у женщин на втором месте после занятий сельским хозяйством: в Сибири 44% от всего запаса рабочего времени уходило у взрослой женщины на домашние дела. Длина же рабочего дня в крестьянских хозяйствах Западной Сибири была на 1–2 часа больше, чем у мужчин [19, с. 23]. На так называемое самовоспитание и общественную деятельность русские крестьянки расходовали всего 21 час в год, мужчины-крестьяне — 321 час [20, диаграмма 5].

Вследствие этого попытки представителей власти изменить положение и статус женщины в общественном сознании сталкивались с большими трудностями. В отчетах «с мест» отмечалось: «Женщин с трудом приходится собирать на общие собрания, они боятся идти, чтобы их не записали в коммунистки, и когда им говоришь, кем должна быть женщина, то они безнадежно отмахиваются рукой, говоря: «Нам и без того живется тяжело, а тут еще учись да на собрания ходи». Это же с особой энергией подтверждали мужчины, говоря, что «наши бабы и без грамоты хороши, а если им дать грамоту, то они, пожалуй, нас совсем слушаться не будут, и так с ними справиться не можем»» [21, с. 112].

В докладе Сибревкома (Сибирский революционный комитет) «О вовлечении женщин в работу Советов в 1925 г.» говорилось о том, что «наряду с выявлением активности и интереса женских масс к общественной работе необходимо отметить другое: мужская часть населения в большинстве сел чрезвычайно консервативна. Мужики, чтобы помешать «бабам» организовываться, устраивали препятствия вплоть до избияния своих жен и запираения их на замок» [22, л. 18]. Крестьянки, со своей стороны, также противились деятельности женсоветов. В прессе 1920-х гг. встречалось немало заметок о том, что крестьянки отказывались даже от организации детских яслей на летний период, мотивируя свой отказ тем, что любая активность со стороны женсоветов может повлечь за собой «втягивание в комунию», от чего они хотят держаться подальше. Как писали журналисты тех лет, «женщины как огня боятся всякой организации», «деревенские женщины рассматривают женактивисток как агентов советской власти, которым нужно оказать сопротивление» и т. д. [1, с. 16]. Сибирский историк И. С. Кузнецов считал, что «коммуния» как выраже-

ние новой формы порабощения в представлении крестьян осмысливалась ими через призму традиционных представлений, сформировавшихся в ходе длительной борьбы за личную свободу, таким образом, крестьяне отождествляли «коммунию» с барщиной, помещичьим хозяйством [23, с. 54].

10 июля 1925 г. в Сибкрайисполком пришел циркуляр ЦИК СССР «О вовлечении женщин-крестьянок в Советы» [22, л. 3]. В отчет на него секретариат Сибкрайкома ВКП (б) постановил проводить собрания и конференции среди женщин каждые три-четыре месяца. В соответствии с поставленными задачами губернские исполнительные комитеты периодически высылали отчеты о состоянии этого вопроса в губерниях края. Например, секретариат Алтгубисполкома сообщил, что «результаты на местах в области привлечения крестьянок в Советы частично видны. Однако летние полевые работы заметно отвлекают от работы секций сельсоветов не только женщин, но и мужчин» [22, л. 4]. Во всех отчетах отмечалось, что недостаток яслей и садов не позволял крестьянкам принимать более активное участие в общественной работе. В отчетах из Ойротской автономной области говорилось, что главным препятствием при вовлечении женщин в общественную работу являлось «отношение алтайцев к женщине, как к нечистому существу, не человеку. Это алтайское отношение к женщине передается и русскому

населению. Русские мужчины не видят в женщине равного себе человека» [22, л. 6–10].

В докладе Сибревкома о выдвижении работниц и крестьянок на выборочные должности за 1924–1925 гг. говорилось об увеличении участия женщин в советах. Если в 1923 г. в перевыборах советов количество женщин составляло менее 10%, то в 1924–1925 гг. этот показатель увеличился до 24,2 [22, л. 17].

Таким образом, традиционная основа семьи, предполагающая главенство мужчины-кормильца и экономически зависимой от него женщины, в советском «гендерном контракте» была абсолютно подорвана. При этом в советском законодательстве практически отсутствовали обязанности отцовства. Как справедливо заметила О. М. Здравомыслова, «это упущение сказалось на особенностях развития как советской, так и современной российской семьи» [24, с. 100].

Советское руководство рассматривало женщину не столько как цель для развития, сколько как средство в достижении конкретных результатов в борьбе за строительство «светлого будущего». Внешнее «раскрепощение» женщины (возможность получать образование, участвовать в общественных делах, работать наравне с мужчинами) сочеталось с пережитками патриархальных отношений в деревне (семейная этика подчиненного поведения, тотальная загруженность домашними делами и пр.).

Библиографический список

1. Красная сибирячка. — 1929. — № 2.
2. Советская Сибирь. — 1920. — 23 янв.
3. Кружковые занятия с кандидатами // Красный путь. — 1920. — № 3.
4. Ширямов А. К учебе ответственных работников // Красный путь. 1920. № 3
5. Фаерман Е. Женский труд и безработица в новых условиях // Красная сибирячка. — 1922. — № 2–3.
6. Мойрова. О содержании работ городских делегатских собраний // Красная сибирячка. — 1922. — № 2–3.
7. Муравей П. Бабья революция // Красная сибирячка. — 1922. — № 2–3.
8. Зорский А. Семейный митинг // Красная рубаха. — 1928. — № 2.
9. Долев Д. В оба гляди — выборы впереди // Красная рубаха. — 1928. — № 2.
10. Партийная этика: документы и материалы дискуссии 20-х гг. / под ред. А. А. Гусейнова и др. — М., 1989.
11. Правкина И. А. Концептуальные основы государственной политики в отношении женщин в СССР: историографический аспект // Женщины в российском обществе. — 1997. — № 3.
12. Профессиональное движение. — 1923. — № 3/4.
13. Сборник важнейших постановлений, распоряжений и циркуляров новосибирского окрисполкома. — Новосибирск, 1930. — № 25 (8), 26 (9).
14. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 1185.
15. О привлечении к работе коммунисток // Красная сибирячка. — 1922. — № 2–3.
16. ГАО. — Ф. 1353. — Оп. 1. — Д. 46.
17. Долев Д. В оба гляди — выборы впереди // Красная рубаха. — 1928. — № 2.
18. Государственный архив РФ (ГАРФ). — Ф. 6983. — Оп. 1. — Д. 177.
19. Васильева Л. И. Организация труда в крестьянском хозяйстве. — Омск, 1929. — Вып. 22.
20. Струмилин С. Бюджет времени русского рабочего и крестьянина в 1922–1923 гг. — Л., 1924.
21. Жулаева А. С. Образ жизни крестьян Восточной Сибири в 1920–1926 гг.: к проблеме соотношения традиций и новаций : дис. ... канд. ист. наук. — Красноярск, 1999.
22. ГАО. — Ф. 47. — Оп. 1. — Д. 70.
23. Кузнецов И. С. Социальная психология сибирского крестьянства в 1920-е гг. : учебное пособие. — Новосибирск, 1992.
24. Здравомыслова О. М. Семья и общество: гендерное измерение российской трансформации. — М., 2003.